
ЛОГОС

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Античная философия

Чтения и толкования

Слышим ли мы Гераклита?

Сократ-экономист

К политэкономии дружбы

Как еще можно осваивать философию античности?

Политический платонизм в советской философии

Тело у Гомера

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Содержание

Вопрос о методе

<i>Сергей Муравьев</i> . Слышим ли мы Гераклита? Или так нам только кажется?	3
<i>Анатолий Ахутин</i> . Другому как понять тебя? Реплика к статье С. Муравьева	29
<i>Сергей Муравьев</i> . Ответ на реплику	41
<i>Ламброс Кулубарицис</i> . Как еще можно осваивать философию античности?	45

Вокруг Платона

<i>Владимир Бибихин</i> . <Поиск своего в «Алкивиаде» Платона>	63
<i>Ирина Протопопова</i> . «Государство» Платона – идеальный мимесис?	89
<i>Алексей Глухов</i> . Платон и ἀδύνατον: алиби одной утопии	101
<i>Михаил Маяцкий</i> . Сократ-экономист, или К политэкономии дружбы	120
<i>Юрий Тихеев</i> . Платон в среде московских любомудров	131
<i>Ольга Черняховская</i> . Маргинальный Сократ: теория К. И. Сотонина	140
<i>Юрий Тихеев</i> . Платон в России: взгляд со стороны. Предисловие к статье Ф. Незеркотт	155
<i>Франсес Незеркотт</i> . Восприятие Платона в Советской России (1920–1960 гг.)	158
<i>Гасан Гусейнов</i> . Политический платонизм в советской философии	170

К антропологии античности

<i>Валерия Гавриленко</i> . Тело у Гомера: к генеалогии понятия	180
---	-----

Критика

<i>Михаил Маяцкий</i> . Akrasia in Greek Philosophy	193
<i>Алексей Глухов</i> . Leonard Miriam. Athens in Paris: ancient Greece and the political in postwar French Thought	200
Аннотации	206
Авторы	213

ЛОГОС #4 (83) 2011

философско-литературный журнал

издается с 1991 г., выходит 6 раз в год

Учредитель Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара»

Главный редактор *Валерий Анашвили*

Редакторы-составители номера *Алексей Глухов и Михаил Маяцкий*

Редакционная коллегия: *Александр Бикбов, Виталий Куренной* (научный редактор),
Михаил Маяцкий, Яков Охонько (ответственный секретарь),
Николай Плотников, Артем Смирнов, Руслан Хестанов, Игорь Чубаров

Научный совет: *С. Н. Зимовец* (Москва), *С. Э. Зуев* (Москва), *Л. Г. Ионин* (Москва),
† В. В. Калининченко (Вятка), *М. Маккинси* (Детройт), *В. А. Май* (Москва),
Х. Мёкель (Берлин), *В. И. Молчанов* (Москва), *А. Л. Погорельский* (Москва),
Фр. Родри (Бохум), *А. М. Руткевич* (Москва), *С. Г. Синельников-Мурылев* (Москва),
К. Хельд (Вупперталь)

Номер подготовлен при участии Центра современной философии
и социальных наук Философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Addresses abroad:

“Logos” Editorial Staff	“Logos” Editorial Staff
c/o Dr. Michail Maiatsky	Dr. Nikolaj Plotnikov
Section de Langues et Civilisations Slaves	Institut für Philosophie
Université de Lausanne, Anthropole	Ruhr-Universität Bochum
CH-1015 Lausanne	D-44780 Bochum
Switzerland	Germany
michail.maiatsky@unil.ch	nikolaj.plotnikov@rub.de

Редактор сайта журнала *Михаил Лазарев*

Художник *Валерий Кориунов*

Корректор *Татьяна Пальгунова*

Верстка *Сергей Зиновьев*

Е-mail редакции: logos@orc.ru

<http://www.logosjournal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-46739 от 23.09.2011
Подписной индекс 44761 в Объединенном каталоге «Пресса России»
ISSN 0869-5377

Публикуемые материалы прошли процедуру
рецензирования и экспертного отбора

© Издательство института Гайдара, 2011

Отпечатано в типографии «Момент»

141406, Химки, ул. Библиотечная, 11. Тираж 1000 экз. Заказ №

Слышим ли мы Гераклита? Или так нам только кажется?

Хотя сей Логос налицо всегда, несмысленными люди рождаются/становятся/являются — и прежде, чем услышать, и услышав впервые...¹

Гераклит, фр. F 1 (B 1 DK, 1 Marcovich)

Entre ce que je pense, ce que je veux dire, ce que je crois dire, ce que je dis, ce que vous voulez entendre, ce que vous entendez, ce que vous croyez comprendre, ce que vous voulez comprendre et ce que vous comprenez, il y a au moins neuf possibilités de ne pas s'entendre².

Изречение неизвестного автору автора, вывешенное в приемной городской службы помощи нуждающимся жителям при мэрии г. Гайяра (Gaillard), Франция

1. Хотя на темноту Гераклита Эфесского ссылались и ссылаются все кому не лень, начиная с Платона и Аристотеля в античности³, в мировой литературе еще очень мало работ, в которых бы природа и причины этой темноты рассматривались вплотную. А в российской мне известна только одна — «Античные начала философии» А. В. Ахутина⁴.

¹ Перевод (прозаический) — мой, отражающий двойную соотнесенность слова *aei* («всегда») и многозначность слова *ginontai*. См.: *Mouraviev S. Heraclitea*. Vol. III. 3. В/1–iii. Fragmenta. Les textes pertinents, ad F 1. Sankt-Augustin, 2006.

² «Между тем, что я думаю, тем, что я хочу сказать, тем, что я думаю, будто сказал, тем, что я сказал, тем, что вы хотите услышать, тем, что вы слышите, тем, что вы, по вашему мнению, поняли, тем, что вы хотели бы понять, и тем, что вы действительно поняли, — не менее девяти возможностей друг друга не понять».

³ См. полное собрание — около 50 текстов — дошедших античных свидетельств о ней в: *Mouraviev S. Heraclitea*. Vol. III. 1. Sankt-Augustin, 2003. С. 71–85, тексты М 38 — М 44. Здесь и ниже «Heraclitea» обозначает наше продолжающее выходить многотомное издание: *Mouraviev S. N. Heraclitea. Édition critique complète des témoignages sur la vie et l'œuvre d'Héraclite d'Ephèse et des vestiges de son livre*. Sankt-Augustin: Academia-Verlag, 1999–2008.

⁴ Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. С. 398–403, ср. 367–372. Далее цитаты из этой книги — в тексте.

Но и она касается не только и не столько собственной гераклитовской речи, сколько, с одной стороны, его «мысли», как бы парящей над его (полуотсутствующим) текстом, а с другой — «вечной» проблемы взаимоотношения филологии и философии, противоречия между работой филолога-классика, занимающегося историей философии, историка философии, специализирующегося в античной философии, и философа, ищущего собрата и собеседника в творчестве предшественника, то есть «озадаченность» «той самой загадкой, которая конституирует философию в качестве философии, где бы и когда бы она ни возникала» (Ахутин, с. 400).

Мысль греческих мыслителей запечатлена в текстах, тексты написаны на древнегреческом языке, тексты эти критически исследованы и продолжают исследоваться учеными-филологами, истолкованы и перетолкованы историками и философами, но дело не только и даже не столько в необъятности необъятного, дело в *характере* работы. Чем усерднее я вчитывался в филологические труды, тем больше приходил в замешательство: узнаю я больше, понимаю меньше. Научаясь сопоставлять тексты, разбирать грамматику и входить в аутентичную семантику слов, различать, что раньше, что позже, что оригинал, что позднейший пересказ, — разучаюсь тому, чему, помнится, обучал меня Платон в самых приблизительных русских переводах: искусству думать философски (с. 10).

Таково «трагически беспомощное» положение, в котором оказался А. В. Ахутин, поставив перед собой задачу «философски понять [греческого. — С. М.] философа» (с. 12), и в первую голову — «темного» Гераклита.

Здесь, однако, речь пойдет не о собственной темноте Эфесца⁵, а о том, насколько мы «им», Гераклитом, располагаем, чтобы о нем говорить, писать, чтобы толковать его мнения, спорить с ним... И не только с ним, но и с его предшественниками, современниками и преемниками — другими досократиками.

2. Не мне (и не тут) рассматривать легитимность избранного А. В. Ахутиным пути — «читать Гераклита как философа», и не мне судить о том, насколько он удачно по сему пути следует. В отличие от него я не современный философ, я историк античной, причем самой архаической, философии. Но подобно ему, пришедшему в философию из химии (с. 7), и я пришел в нее со стороны, из лингвистики и, ища философию, наткнулся на филологию древнейших философских текстов, застрял в ней по уши и нахожусь и ныне там, так и не став философом. При-

⁵ Лингвистическим, стилистическим и риторическим аспектам этой темноты посвящена монография: Mouraviev S. Le langage de l'Obscur // Heraclitea. Vol. III. 3. A. Sankt-Augustin, 2002. Философские же импликации этой темноты еще ждут своих исследователей.

чем и ныне там я по тем именно причинам, по которым Анатолий Валерианович от филологии отказался, испытывая при этом «муки совести» (с. 14): из-за несусветной разноголосицы и неразберихи, которые там царят. И «муки совести» я тоже испытываю, но противоположно его свойства: мыслимо ли нефилософу заниматься реконструкцией учения философа?

Не знаю, приложимо ли это к подходу, избранному Ахутиным, при том что и мой подход, как и его, был продиктован таким же желанием *понять* философа, но я не тешил себя мыслью, что смогу это сделать, выбрав «второй путь» — «спекулятивный» (с. 12). «Мысль греческих мыслителей запечатлена в текстах...», — правильно заметил он. То есть без текстов или при сильно испорченных (или недостоверных) текстах запечатленной мысли *нет* и взять ее неоткуда. Вот поэтому, будучи зачарован *слогом* его «изречений», я и захотел убедиться в достоверности (истинности) предлагаемых мне научкой текстов: пересказов, отрывков, цитат утраченного трактата Эфесского мыслителя. И именно с этого момента все пошло-поехало. Сопоставив между собой различные *переводы* его фрагментов, я убедился, что нет двух одинаковых пониманий одного и того же текста. Сопоставив различные издания греческих *оригиналов* его фрагментов, я убедился, что нет двух одинаковых собраний этих фрагментов как с точки зрения подбора и числа цитат, так и в отношении их чтения, то есть самих слов, из которых они составлены. Сопоставив различные *издания* источников, в которых эти цитаты были приведены и из которых они были извлечены, я убедился, что и в них огромное число разночтений: одно и то же слово в разных рукописях написано по-разному, и даже тогда, когда рукопись одна, далеко не каждое воспроизведенное в издании слово к ней восходит: когда филологу, готовящему издание древнего произведения, что-то непонятно, он пытается исправить рукописный текст так, чтобы стало понятно. Иногда он это делает вполне резонно, но бывает, что и совсем наоборот. Более того, если его издание — не первое, он часто заимствует исправления у своих предшественников, забывая порой указать, что данное чтение — не рукописное, а модерна конъектура, предложенная таким-то ученым.

Откроем, к примеру, ахутинское исследование на стр. 382. Мы прочтем там такой фрагмент: «*Не меня, а этот „логос“ выслушав... мудрое <... в том, чтобы... > сказать то же... что все есть одно*»⁶. Но в греческом оригинале единственной рукописи (Suppl. Grec 464) приписываемого Ипполиту Римскому «Опровержения всех ересей», найденной на Афоне в первой половине XIX в., впервые изданной в 1851 г. и хранящейся

⁶ Это фрагмент В 50 в издании Дильса-Кранца, 26 у Марковича (и Лебедева), F 50 в моем (*Mouraviev S. Heraclitea, V. III. 3. Sankt-Augustin, 2006*). Я сознательно упростил перевод, стремящийся передать нюансы, ибо речь сейчас идет не о нюансах, а о существеннейшем.

ся в Парижской национальной библиотеке, на обороте л. 110, в стк. 10⁷, мы читаем не *logou* (род. пад. от *logos*), а *dogmatos* (род. пад. от *dogma* – «мнение», позже «учение», «догма, догмат»), и не *einai* – «есть», а *eidenai* – «знает»⁸. Буквальный перевод дает: «Не мне, но *мнению* внимаю, мудро согласиться, что одно (*или* единое) все *знает*». Чтения же *logou* и *einai* принадлежат: первое – Якобу Бернайсу [Bernays (1854) 242, 248–9], второе – первоиздателю Ипполита Эммануэлю Миллеру [Miller (1851) ad loc.], ни один из которых не удосужился проаргументировать свою поправку – очевидно, ввиду ее «очевидности». Ввиду той же очевидности большинство издателей и исследователей фрагментов принимают либо обе поправки, либо только первую и, ничтоже сумняшеся, забывают упомянуть их позднее происхождение и имена их авторов⁹. Тем не менее Ахутин толкует этот переименованный текст как «едва ли не средоточие гераклитовской мудрости во всей ее „темноте“» (с. 382 и сл.)¹⁰. Только обращение к источнику фрагмента может спасти от подобных казусов¹¹.

3. Но начнем-ка лучше с азов. Первая и самая в нашем случае несущественная проблема – вопрос о том, чем должен заниматься *историк философии*. Я подчеркиваю: не философ, а именно *историк философии*. (Они, конечно, могут быть в одном лице, но имеется в виду не человек, а вид деятельности.) Всякий историк исследует события прошлого и пытается установить какие-то *истины* о них. Историк философии изучает жизни и труды философов прошлого, собирает их произведения, исследует их идеи, толкует и поясняет их и стремится установить ряд «объективных» *исторических* истин относительно их содержания, взаимодействия, развития, значения и т. д. и т. п. Факты прошлого, каковыми в философии преимущественно являются мнения, идеи, понятия, теории, системы, интересуют его именно как факты, соответствующие *исторической*

⁷ Этот лист и три следующих факсимильно воспроизведены в: Mouraviev S. Heraclitea II. A. 2. Sankt-Augustin, 2000. P. 542–545.

⁸ А не наоборот. Ср.: Ахутин А. В. Там же. С. 383, прим. 2.

⁹ А когда упоминают, то бывает, что и путают их: так, в классическом издании Дильс-Кранца [Diels H., Kranz W. Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin: Weidmann (1934, 1951). Ad fr.] чтение *logou* ошибочно приписано Теодору Бергку.

¹⁰ Справедливости ради уточню, что и я в некотором смысле принимаю первую поправку, но в результате весьма тщательного анализа всего контекста у цитатора, с включением в состав цитаты ряда опускаемых всеми издателями слов и идентификацией в ней лакуны, содержащей так слово *dogmatos*. См.: Mouraviev S. Heraclitea. Vol. III. 3. B / i. P. 126–129; Vol. III. 3. B / iii. P. 60–62, текст F 50.

¹¹ Мной этот источник издавался, переводился и комментировался троекратно: 1) по-русски: Муравьев С. Н. Ипполит цитирует Гераклита / Из истории античной культуры. М.: МГУ, 1976. С. 120–142; 2) по-французски: Mouraviev S. Hippolyte cite Héraclite / diplôme de l'EPHE, Paris, дипломная работа в École pratique des hautes études (неопубл.); 3) в составе: Mouraviev S. Heraclitea II. A. 2. Sankt-Augustin, 2000. P. 526–562 [текст и перевод], и Mouraviev S. Hippolyte – Héraclite – Noët // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Bd. II / 36 / 6. S. 4375–4402 [комментарий].

истине, приуроченные к какому-то времени и месту. И хотя эти идеи, понятия, теории тоже в свое время претендовали на *философскую* истинность, историк как бы отстраняется от этого их измерения и судит о них, пользуясь, скорее, такими категориями, как происхождение, оригинальность, новизна, успех, влияние, воздействие, убедительность, стройность... Всякий же *философ* создает сам для себя свою новую истину, свой собственный набор понятий, бьется над своей «загадкой», а в философах прошлого ищет не предшественников, а предтеч, собратьев, собеседников, единомышленников, а то и достойных противников или мальчиков для битья. При этом он озабочен не столько исторической истинностью своего понимания их, своего представления о них, сколько тем «субъективным» откликом (или протестом), которые они в нем как в философе вызывают. Такое вот разделение труда.

Но в реальной жизни все гораздо сложнее и эти два вида деятельности сочетаются между собой самыми причудливыми образами. При этом историку, который изучал философию и мнит себя философом, кажется, что он вновь открывает забытые философские истины, а философу, поневоле искусственному в вопросах филологии (негоже ведь судить о философе тому, кто не способен читать его в оригинале хотя бы с помощью словаря), мнится, что только он способен восстановить историческую истину и понять, что именно утверждал тот или иной его древний собрат. Однако различие между философской истиной, прошлой или нынешней, и истинной исторической остается. И выразить это различие нетрудно с помощью двух-трех предложений. Приняв за аксиому, что, говоря об истине, мы имеем в виду достоверное отражение реального положения дел, т. е. знание, а не его искаженное отражение в уме того или иного ученого или мыслителя, мы признаём как непреложный факт, что, во-первых, историческая истина не может быть познана в отсутствие подтверждающих и приурочивающих ее к данному времени, месту и лицу исторических *источников*, в основном — текстов; во-вторых, что без исторической истины даже самая, казалось бы, несомненная философская истина не может стать фактом *истории*, претендовать на историчность; и, в-третьих, что исторически установленная философская «истина», исторически установленное существование когда-то данной философемы может оказаться отнюдь не философской истиной, а, например, мифологемой, ложным выводом из верных посылок, логически корректным выводом из ложных посылок или попросту ходячим предрассудком... А также — увы, сплошь да рядом — незаконным продуктом филологической ошибки...¹²

¹² Примером такой ошибки, почти притчей во языцех, стал «пифагореец Парон», вычитанный Германном Дильсом из аристотелевского текста, где речь якобы шла о каком-то безымянном *присутствующем (παρόν)* пифагорейце; см.: *Diels H., Kranz W.* Op. cit. S. 217; ср.: *Лебедев А В.* Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. М.: Наука, 1989. С. 274. «Почти», потому что ошибку, вероятно, следует приписать... Аристотелю, в контексте которого нет и намека на какое-либо собрание. Зато из Симпликия, комментировавшего это место, ясно, что речь идет о выступлении Симо-

Ясно, что любое смешение истины исторической (факта истории философии) с исторически достоверной философской истиной (факта истории философских открытий) и с истиной философской непреложной, «вневременной» или «вечной», весьма чревато вольными и невольными искажениями мысли (и текста!) изучаемого философа¹³.

4. Однако все только что сказанное приложимо — да и то со скрипом — к философам, *произведения*, то есть тексты, *которых до нас дошли в достаточно удобоваримом виде*, а первым таким философом был Платон, живший два столетия после первого из досократиков, Фалеса (род. ок. 640, ум. ок. 550). Дошедшие до нас произведения — связанные тексты, и даже самый посредственный перевод *сохраняет эту их связность*. А как же быть с философами, от которых не осталось ни слова? От Фалеса до нас не дошло ни одной строки (разве что употребление им прилагательного *homoios* — «подобный» — в несобственном ему значении *isos* — «равный»). От Анаксимандра дошла одна цитата (две строчки в косвенной речи) и, возможно, пара эпитетов и терминов; от Анаксимена — тоже одна цитата и несколько сравнений и выражений¹⁴. От Пифагора — сплошь сказки, легенды и поздние изложения (таково, во всяком случае, почти единодушное мнение специалистов¹⁵). Первые философы, от которых мы что-то имеем, — Ксенофан и Гераклит: от первого дошло около 125 стихотворных строк из разных произведений (ок. 900 слов в составе примерно 40 разрозненных фрагментов), от второго, по разным оценкам, от 125 до 200 разрозненных прозаических более или менее буквальных цитат, насчитывающих от 1500 до 2000 слов (почему такой разницей, станет ясно из последующего). Мыслимо ли в такой ситуации каким-то чудом знать не только то, что их волновало, что они думали

нида в Олимпии, описанном Эвдемом (фр. 90 Wehrli), на котором действительно выступил какой-то *присутствовавший* там анонимный пифагорец. Ошибка Дильса состояла в том, что он не посмел признать ошибку Аристотеля. Разумеется, если Аристотель ошибся. Ибо мог ошибиться и Симпликий и принять Парона за какого-то присутствовавшего анонима...

¹³ Я, естественно, отвлекаюсь от вопроса, существуют ли на самом деле непреложные, «вневременные» или «вечные» философские истины. Что касается Ахутина, то он ведет «системно-философский, а не историко-философский» разговор «о древнегреческой философии» (с. 9), т. е., по-видимому, разговор *не* об исторической истине (древних учениях), а об истине современной или вечной (только им устанавливаемой или только им обнаруживаемой в древних учениях) ... Но коль скоро она действительно присутствовала в этих учениях, она же и исторична. А если отсутствовала, зачем вообще ее с ними связывать? Или же они (древние учения) сами суть предмет философского рассмотрения? И *как* (в) неисторичность разговора о древнегреческой философии сочетается с желанием вести беседу с ее историческими создателями, слышать их «собственный голос» (с. 400)?

¹⁴ См. в собрании Дильса—Кранца (или в переводе Лебедева) тексты II A 1 (23, 34), A 2, A 20, B 1—B 3; 12 B 1—B 5; 13 B 1—B 3.

¹⁵ См., например: *Жмудь Л. Я.* Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. С. 8–10.

и чему они учили, но еще и самому учиться у них «думать философски», самому философски их «понять»?

Как ни покажется странным, *в какой-то мере все-таки мыслимо*. Ценой невероятных усилий и при соблюдении тщательно продуманной и проверенной на практике методики. Ведь помимо фрагментов сочинений философов, т. е. цитат из их трактатов, есть так называемые «доксографические» изложения и пересказы того, что они утверждали, их убеждений и мыслей. А сами фрагменты, когда они есть, доносят до нас не только и не столько какое-то содержание, сколько определенный стиль, подход, способ видения и мышления, некий (очень необычный для нас) модус облечения мысли в слова. И тут, как ни крути, одним философским чутьем (хотя оно и может быть полезным) не обойдешься.

Нужно, во-первых, располагать *всей* без исключения сохранившейся документацией, а ею до сих пор *никто не располагает*¹⁶. Нужно, во-вторых, навести в этой документации порядок, а этим *почти никто не занимается*: отделить цитаты от изложений и пересказов, разложить всю доксографию по поличкам — темам и подтемам — и попытаться реконструировать на ее основе общую картину. То же, причем еще тщательнее, нужно проделать с фрагментами: оценить их объем сравнительно с объемом недошедшего трактата и, если результат подсчетов обнадеживает, попытаться *реконструировать* (хоть какой-то) единый *текст*, а затем — из текста и *доксографии* — *максимально приближенное к этому тексту учение*. Необходимо, в-третьих, обозначить по возможности все невосполнимые утраты и учитывать в работе эти огромные потери. Все это сугубо филологическая работа, без которой ни на какой интуитивный диалог с философом рассчитывать не приходится — по очень простой причине: чтобы вести с философом диалог, необходимо его (философа) «иметь», а иметь его можно только через тексты (его и о нем), но чтобы эти тексты худо-бедно его представляли, нужно собрать их воедино и составить из всех них нечто максимально удобоваримое. И в этом и состоит первая и пока главная задача филологии античных *фрагментарных* философских текстов.

Насколько она на практике с этой задачей справляется — *совсем другой вопрос*¹⁷.

¹⁶ Так, в стандартном издании Дильса — Кранца [DK] приведено около 150 текстов о Фалесе, а в готовящемся сейчас в Германии полном издании источников о нем их собрано свыше *шестисот*; в том же DK Гераклит представлен примерно 110 «мнениями», 140 фрагментами и 6 подражаниями. В издании текстов о Гераклите М. Марковича мы найдем 720 эксцерптов, некоторые из которых дублируют друг друга или взяты из одного и того же контекста; 121 цитата в них признается фрагментами; доксография состоит из 4 единиц, представленных 43 текстами; наше же собрание всех источников о Гераклите вобрало в себя 1300 текстов, из которых мы извлекли около 200 фрагментов и 240 приписанных философу мнений.

¹⁷ Нельзя сказать, что в этом плане ничего не делается. Делается даже очень много. Но сумбурно, бессистемно, с опорой более на интуицию и на фантазию, чем на доскональное рассмотрение наличных текстов.

При всем своем трепете перед филологией Ахутин вынужден был от нее «отказаться», отступить перед ее пестротой, недоказательностью, царящими в ней повсюду вкусовщиной и модой и довериться чутью философа. И я его прекрасно понимаю, потому что *настоящей филологии досократовского наследия* до сих пор не было и нет¹⁸. Он жаждал общения с Гераклитом, но где взять настоящего Гераклита? Увы, единственный разумный способ достичь хоть какого-то общения с ним (если не прибегать к верчению столов и транссубстанциональному диалогу) — это забыть о философии и заняться филологией, т. е. *текстами философа и текстами о нем*, и заняться ею не как-нибудь, лишь бы оправдать заведование той или иной кафедрой в Оксфорде, Париже или Санкт-Петербурге и право печатать объемистые историко-философские исследования, монографии и учебники, а отложив всякий диалог и сосредоточившись исключительно на текстах, на их смысле, на их букве, на их «чертах и резах», их несуразностях и погрешностях.

Вот когда пропустишь эти тексты сквозь сито кодикологии, палеографии и грамматики, а затем критически, многократно и непредубежденно, сквозь самого себя; когда научишься отличать в них суть от более поздних наслоений, а в наслоениях отгадывать скрытую суть; когда привыкнешь доверять даже самому на первый взгляд совершенно неприемлемому сообщению и будешь упорно доискиваться его смысла и происхождения и сопоставлять его со всеми остальными; когда составишь себе представление о предшественниках философа, о существовавших в ту пору способах мышления и выражения, о его времени и месте — только тогда начнешь мало-помалу проникаться первоначальным смыслом сказанного и сам в этот смысл проникать...

5. А что происходит на самом деле, в реальной научной жизни? Джонатан Барнз, автор большой весьма подробной монографии о досократиках (1979) и многих других ученых книг об Аристотеле, скептиках, стоиках, известный филолог и историк философии, большой любитель формальной логики, выпустил в 1987 г. в популярной серии *Penguin Classics* сборник избранных текстов досократиков в своем переводе. В предисловии, на двадцати пяти страницах, он попытался объяснить неискушенному читателю, кто были первые философы, в чем состояла «первая» философия и на основе каких свидетельств (evidence) историк философии восстанавливает их учения¹⁹. Первые две темы представлены хоть и не полно, но хорошо. А вот третья... Пояснив, что сочине-

¹⁸ Это, разумеется, максимально общее утверждение. По отдельным философам, источникам, вопросам за двести лет отдельными учеными проделана огромная работа и достигнуты блестящие результаты. Но, увы, они тонут в массе бездарных гелергерских поделок, повторений, досужих конструкций и высосанных из пальца инноваций.

¹⁹ *Barnes J. Early Greek Philosophy. Harmondsworth: Penguin Books, 1987. P. 9–31.*

ния всех писавших досократиков погибли и что мы знаем о них лишь из косвенных источников (некоторые из них Барнз называет и кратко характеризует: «Метафизика» и «Физика» Аристотеля, «История философии» псевдо-Галена, «Жизни и учения знаменитых философов» Диогена Лаэртция, уже упоминавшееся «Опровержение всех ересей» Ипполита Римского), он продолжает:

Эти истории – или «доксографии», как их обычно называют, – стали предметом тонкого научного анализа. Сами по себе они имеют ценность неопределенную. Они ведь были написаны спустя века после зарождения тех идей, о которых они летописуют, написаны людьми с иными интересами и иными воззрениями. Когда, например, епископ Ипполит приписывает какое-то мнение Гераклиту, *мы не должны ему верить*²⁰, не установив сначала двух важных вещей. Во-первых, из какого источника он почерпнул свою информацию? Ибо длинен и извилист путь, соединяющий Гераклита с Ипполитом, и надобно убедиться, что дошедшая по нему информация не была *заражена ложью* или *отравлена неточностью*. Во-вторых, каковы были собственные философские пристрастия Ипполита, с какой целью была написана его собственная книга? Ибо все это могло *предубедить его* – вольно или невольно – при написании его отчета. Аргументация по таким вопросам запутанна. Она редко приводит к беспорным выводам. (25)

Упомянув затем о существовании фрагментов – отрывков из собственных произведений философов, Барнз подчеркивает их значение и добавляет:

В некоторых случаях мы располагаем достаточным числом фрагментов, чтобы составить себе весьма определенное мнение об оригинале. Чем полнее набор фрагментов, *тем менее следует опираться на доксографический материал*. Но даже в самом благоприятном случае доксографии имеют значение: *они дают нам косвенную информацию там, где прямая отсутствует, и служат бесценными помощниками в интерпретации самих фрагментов*. (26)

Все выделенные мной пассажи кроме последнего – типичный пример *презюмции виновности источника*, предрассудка, с которым филологии еще предстоит бороться и бороться. И лишь последний пассаж, напротив, отдает должное доксографическим источникам и этим выгодно отличается от ряда высказываний, клонящих в противоположную сторону. Как, например, следующее. Джоил Уилкоккс²¹, автор монографии об эпистемологии Гераклита, поясняет, почему он пользовался изданием Марковича:

²⁰ Кроме специально оговоренных случаев, здесь и далее выделено мной.

²¹ Wilcox J. The Origins of Epistemology. A Study of Psyche and Logos in Heraclitus. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1994.

Это издание текста было избрано потому, что... [оно] рассматривает значительно большее число свидетельств, чем любое другое издание Гераклита, *но признает аутентичность значительно меньшего числа фрагментов, чем большинство других изданий...* Поскольку любая интерпретация неизбежно есть интерпретация *текста* [выделено автором. — С. М.], существенным условием адекватной интерпретации досократовской мысли является опора на тексты, *подлинность которых (почти) не вызывает сомнения.* (6–7)

Иными словами, необходимо отказаться от всего мало-мальски подозрительного и тем самым обезопасить свою трактовку от любой порчи. Если бы речь шла об откровенной несомненной лжи или фальсификации, такой подход был бы вполне уместным. Но речь идет совсем о другом — об исключении всего *небуквального* и хоть в чем-то *подозрительно-го*. Подобный перестраховочный подход отнюдь не нов. Вот, например, что давным-давно писал наш соотечественник А. Казанский в предисловии к своей весьма полезной монографии «Учение Аристотеля о значении опыта при познании» (Одесса, 1891):

Моей целью было... дать такое изложение, которое гарантировало бы... полную подлинность излагаемых учений, их действительно несомненную принадлежность самому Аристотелю. С этой точки зрения я прежде всего... старался брать мысли Аристотеля только из таких сочинений, которые уже заведомо подлинны... Таким образом, я совершенно не пользовался, например... трактатом «о движении животных», хотя в нем и заключался довольно интересный для меня материал... (VIII–IX)

Подлинность этого трактата сейчас общепризнана²², и наш исследователь лишил себя, как он сам признает, «довольно интересного» источника. Но одно дело — воспользуюсь аналогией — лишить себя одной вызывающей сомнения слабой картины художника, от которого сохранилось множество шедевров, и совсем иное — заранее, перед тем как реконструировать из обломков уникальную монументальную фреску, исключить все «подозрительные» куски, оставив только «несомненно подлинные» (представим себе музейную коробку, в которую собрали вместе и несомненные, и испорченные обломки и куда могли затесаться фрагменты иного происхождения).

6. Но вернемся к Джонатану Барнзу и его описанию трудностей анализа и оценки источников. Речь у него далее идет о Симпликии (нашем, заметьте, и самом позднем, и *самом богатом* античном осведомителе о досократиках) и об Анаксагоре, которого он цитирует. Упомянув о проблемах, связанных с различением буквальных цитат от небуквальных пересказов, Барнз продолжает:

²² См., например: *Torraca L. Sull'autenticità del De motu anim. di Aristotele // Maia 10, 1958.*

...Не всякая буквальная цитата таковой является... Когда Симпликий намеревается цитировать произведение, написанное тысячу лет до него, он *может ошибиться* (could be in error). Произведение, которое он цитирует, *может быть подделкой* (could be a forgery) ... *Могла произойти ошибка*: книга, из которой он цитирует, могла иметь неверную этикетку (may have been wrongly labelled) или быть принятой за другую (misidentified) ... [Он мог пользоваться] *поздним пересказом*, а не оригинальным произведением... Возможность такой ошибки необходимо иметь в виду.

Далее, допустим, цитата действительно взята у Анаксагора... Какими именно словами пользовался Анаксагор? Ибо *нет оснований считать, что слова, которыми пользуется Симпликий, должны точно воспроизводить слова, которыми пользовался Анаксагор*. Симпликий может цитировать по памяти — и *ошибиться* (misremembering), он может переписывать текст, лежащий у него перед глазами, — и *ошибиться* (miscopying) ... Более того... *нет гарантии, что использованный им текст достоверно отражает оригинал*. За тысячелетие, отделяющее Симпликия от досократиков, труды Анаксагора переписывались многократно. Точно так же, как мы читаем копии копий автографа Симпликия, так и Симпликий читал копии копий автографа Анаксагора. *Вероятность того, что Симпликий читал безупречный текст Анаксагора, равна нулю.* (28–29)

Все это так. Все эти *возможности* действительно *возможны*. И можно привести достаточно много достоверных примеров каждой из них (благодаря, в частности, существованию нескольких версий одного и того же источника, одной и той же цитаты).

И все же: всё так и всё не так! Особенно последняя фраза, насчет невозможности безупречного текста. Допустим, книга Анаксагора состояла из 3300 слов (такова примерно современная оценка длины трактата²³) и в ней было 100 серьезных искажений. Что из того? А то, что эти искажения касались 3% текста, трех слов из каждой сотни. Считать ли такой текст безупречным или нет? За исключением тех случаев, когда искажение касается *абсолютно ключевых слов* (как предполагаемая замена слова *logou* словом *dogmatos* у Ипполита), даже столь высокий процент ошибок не мог исказить *произведение в целом*: спасала связность, спасал контекст²⁴. Средняя продолжительность жизни *папируса*, согласно папирологам, — три века²⁵. Стало быть, Симпликий мог пользоваться текстом, переписанным всего три-четыре раза, ну, положим, десять раз, но никак не сто. Текст на *пергаменте* не стареет, он живет вечно и поги-

²³ См.: Sider D. The Fragments of Anaxagoras. Sankt Augustin: Academia-Verlag, 2005. 2nd ed. P. 12–15.

²⁴ Спасал, правда, Симпликия, но не нас. Если данная его цитата из Анаксагора искажена и единична и не имеет вариантов, а контекст ее нам неизвестен, тогда, увы, дела наши действительно плохи.

²⁵ Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford UP, 1968. P. 30 (с ссылкой на Галена, t. XVIII / 2, p. 630 Kühn).

бают лишь от огня, воды, скребка и паразитов. От Симпликия до «нас», т. е. до средневековых кодексов, которыми мы пользуемся, достаточно было одной-двух промежуточных копий, ну пяти, но никак не двадцати. Конечно, возможно и сто переписываний, но крайне маловероятно. А из этого следует, что даже в самых тяжелых случаях, коль скоро до нас дошел *связный* текст, пропорция в нем серьезных искажений невелика — если только не мерить ее на аршин своего (не) понимания!

Но главное «не так» даже не в этих подсчетах, дело в *предустановке на порчу, на искажение, на ошибку, на подделку*. Когда ищешь ошибки, находишь их повсюду. И, «исправляя» их, сам *искажаешь ценный источник*. Когда подозреваешь подлог, находишь для него «неопровержимые» подтверждения. И, устранив его, дабы гарантировать «полную подлинность» своим выводам, *лишаешься ценного источника и ключа*. Отказывая в доверии доксографии, отвергая как неподлинные четверть фрагментов под разными весьма благовидными, а подчас и совершенно неотразимыми предлогами (непонятность, небуквальность, наличие поздней лексики и концептуальных анахронизмов, присутствие платонических, перипатетических, стоических, христианских, схоластических и других тому подобных «реминисценций»), не беря на себя труд устранить в первую очередь свои собственные не (до) понимание, предубежденность и заблуждения, *выбиваешь всякую почву у себя из-под ног*. Ибо источники суть та земля, та почва, на которой стоит филология античной философии, та вода, в которой она плавает, тот воздух, которым она дышит и без которых она не может жить и плодоносить. К сожалению, наряду с бесспорными достижениями по части сбора, обработки и издания античных источников, по установлению множества исторических фактов, созданию циклопических справочников и энциклопедий и т. д. и т. п., за двести лет своего существования классическая филология и особенно ее историко-философский раздел, изучающий остатки не дошедших до нас в оригинале философских трудов, наплодили столько подозрений, обнаружили столько возможных искажений, ошибок и подлогов, породили столько ненужных конъектур и исправлений, несуразных теорий о неспособности наших информаторов понять мысли своих предшественников, произнесли с амвона науки столько анафем, что воистину превратили и землю, и воду, и воздух из стихий, их питающих, в стихии, их и всякую научность удушающие. Речь идет буквально о загрязнении филологией собственной своей окружающей среды.

Но дело даже не только и не столько в загрязнении этой среды, сколько в разрушении ее, в уничтожении ее целостности, ее связности — самого главного, после текстов, критерия истинности получаемых результатов. Представим себе эту среду в виде той же кучи обломков разрушенной фрески. Часть обломков пропала, но зато они все аутентичны. Если обломков достаточно много, можно из них реконструировать пусть не целое, но хотя бы крупные части целого: любое несоответствие должно толковаться не как признак неаутентичности, а как

неудачная локализация (ошибочная интерпретация...). Ибо историческая истина (если иметь в виду составляющие ее объективные факты, а не какие бы то ни было толкования) есть *предельно непротиворечивое целое*²⁶. Если мы исключим все подозрительные (непонятные) обломки, то лишимся еще не одной части целого. Если мы к тому же будем «исправлять» (переиначивать) непонятные обломки, мы внесем в целое искажающий шум и лишимся единственного критерия, позволяющего нам отличить истинное от ложного...

Допустим, наше целое состоит из фактов *d b ж e q a c*: если факты *a b c d e* между собой согласны и связаны, то затесавшийся промеж них факт *q* хоть и «истинен», но явно неуместен (алфавит — тот же, но место его не здесь), а факт *ж* — «ложен» (принадлежит к другому алфавиту и ему здесь нечего делать). Предположим, мы «выбросили» факты *d b c* по причине их «подозрительности»: что мы можем сказать об оставшихся *a ж q e*? Ничего. Мы не способны даже определить, к какому алфавиту принадлежат первый и последний. Допустим, мы не выбросили факты *d b c*, а «исправили» их на *a h e*: от нашего целого не осталось ничего.

Вот почему со времен Эдуарда Целлера (чей до сих пор основополагающий труд вышел в середине XIX в.) и Германна Дильса (2-я половина того же столетия — начало XX в.) история античной и, в частности, досократовской философии фактически топчется на месте, перепевает старые песни, ходит по кругу, бесконечно решает одни и те же проблемы, стала ареной борьбы между школами и авторитетами, в которой преобладают не поиск, не тщательный разбор источников, не сопоставление и синтез фактов, а мода, вкусы, пристрастия, соперничество, а то и просто желание спокойно из абитуриента превратиться в маститого профессора и публиковать мало к чему обязывающие, вполне научные ученые труды, опирающиеся на тщательно отобранный, просеянный сквозь сито «критики» материал, из которого удалено все мешающее и в котором весь упор сделан на стиле изложения, на следовании за тем или иным авторитетным предшественником и изредка на защите какой-то новой, то есть хорошо забытой старой, зачастую хорошей, но гипертрофированной идеи вроде преобладания устности (*orality*) над письменностью (*Havelock*) в постгомеровскую доплатоновскую эпоху или мистики над физикой (*Kingsley*) у ранних греческих философов...

7. Приведу четыре примера — а мог бы привести их сотню — того, каким абсурдом порой оборачивается методологическая девственность и систематическая предубежденность в филологии гераклитовского наследия. Один пример коснется буквы его текста, второй — стиля, кото-

²⁶ Ср. у Монтеня: «Если бы, как у истины, у лжи было лишь одно лицо, мы бы с ней лучше поладили... Но у оборотной стороны истины сто тысяч форм и неопределенное поле деятельности... Тысячи путей ведут прочь от света, лишь один — туда» (*Montaigne M. Essais. Livre I. Chapitre 9 «Les menteurs»*).

рым написана его книга, третий и четвертый — одного из основных элементов его космологии.

Есть у Гераклита чрезвычайно любопытный фрагмент о душе, В 118 по Дильсу — Кранцу, 68 по Марковичу (и Лебедеву), F 118 по *Heraclit-ea*. У Дильса — Кранца приведено два варианта текста: «*augè xèrè psykhè sophôtatè kai aristè oder vielmehr („или скорее“) aiè psykhè sophôtatè kai aristè*». В дословном переводе первый звучит: «*Луч сухой (или сухая) душа мудрейшая и наилучшая*», второй — «*Сухая душа мудрейшая и наилучшая*». Так называемый глагол-связка отсутствует и его можно мысленно вставить либо после второго слова, либо после первого. На заре гераклитоведения оба варианта считались двумя разными фрагментами (Шлейермахер, Лассалль, Муллах, ср. Шустер, Байуотер), затем их объединил Дильс, но так и не решил, на каком остановиться: то ли на первом (1901, 1903), то ли на втором (1909, 1912, 1922), в результате чего Кранц поместил оба варианта. Тем не менее второй пользовался явным предпочтением, ибо из него можно было извлечь первый путем вставки «пояснительной глоссы» *xèrè (сухая)* после редкого *aiè (сухая)* и «исправления» ставшего «лишним» последнего; такой выбор имел еще то преимущество, что избавлял от неприятной необходимости найти объяснение слову «луч». Все было бы хорошо, если бы из издания Марковича (1967) не стало совершенно ясно (хотя известно это было почти с самого начала), что второй вариант есть плод творчества гуманиста XVI в. Витторио Тринкавелли и налицо только в одном, им же собственноручно «исправленном» месте у Стобея (и в первом, тем же Тринкавелли подготовленном, издании Стобея), причем только в одной из трех дошедших до нас рукописей, в то время как первый засвидетельствован прямо или косвенно во всех рукописях Мусония, Стобея, Филона, Плутарха (в трех местах), Климента, Галена, Гермия, Синезия и Порфирия, причем дважды (у Галена и Порфирия) слово «луч» обыгрывается в контексте цитирующего фрагмент автора. Однако самое поразительное не это, а то, что сам приводящий все эти источники Маркович (1967, 1978, 2001) продолжал вслед за последним издателем этой книги Стобея Отто Хензе (1894), Кэрком (1957), и множеством других филологов считать правильным второй вариант — выдуманный Тринкавелли!²⁷ Такова сила традиции и преклонения перед авторитетом предшественников.

²⁷ См.: *Marcovich M.* Heraclitus. Editio Maior, Mérida. Sankt Augustin: Los Andes University Press // Academia-Verlag, 1967, 2001. P. 371–376 (тексты); P. 377 (коммент.); 1978. P. 259–264; русский перевод текстов см.: *Лебедев А. В.* Там же. С. 231–233 (где *augè xèrè* единообразно переведено как «сухой свет»). См.: *Schleiermacher F.* Heraklit der Dunkle von Ephesos // *Museum der Altertums-wissenschaft* 1, 1808. S. 313–533, fr. 60–63; *Lassalle F.* Die Philosophie Herakleitos des Dunklen von Ephesos. Bd. I. Berlin, Duncker, 1858. S. 193–198; *Mullach F. G. A.* Fragmenta philosophorum graecorum, I, Poeseos philosophicae. Parisiis: Didot, 1860. P. 315–329, fr. 71–74; *Schuster P.* Heraklit von Ephesus // *Acta Societatis philologae Lipsiensis*. 3. 1873. S. 1–397, fr. 54–55, *Bywater I.* Heracliti Ephesii reliquiae. Oxford: Clarendon, 1877. Fr. 74–76; *Hense O.* Ioannis Stobaei Anthologii libri

Гераклит знаменит не в малой степени и благодаря своему замечательному «афористическому» стилю. И вот уже более века на этом основании филологи отказывают ему в авторстве связного текста, а то и вовсе в написании приписываемого ему всеми древними источниками сочинения. Последняя точка зрения, принадлежащая Джефффри Кэрку, к счастью, не имела успеха. Такой подход, тем не менее, не лишен преимуществ: каждый фрагмент можно рассматривать как вещь в себе, не подыскивая ему контекста или, напротив, помещая его во всевозможные контексты; посвященной ему доксографией, которая рисует нам целую сложную систему гераклитовских взглядов о мире и о душе, можно пренебречь, как выдуманной Теофрастом и его последователями и как результатом проекции на Гераклита более поздних стоических представлений. Притом что сами-то стоики ссылались на Гераклита.

Одно из любимых занятий филологов, пишущих о Гераклите, — отрицание реального существования той или иной приписывавшейся ему древними теории. В XX в. главными жертвами этих атак были теория всеобщего течения (или потока) и связанные с ней фрагменты о реке: F 49A, F 91, вторая половина фр. F 12. Главными их опровергателями были Карл Райнхардт и тот же Джефффри Кэрк. Сейчас маятник качнулся в противоположную сторону. Куда более пострадала от филологического скепсиса другая Гераклитова теория, учение о всемирном пожаре, подвергшаяся цензуре самого Шлейермахера (1808) и до сих пор не реабилитированная, несмотря на похвальные усилия Арие Финкельберга и вашего покорного слуги²⁸. Ситуация тут такая. До нас дошла дюжина мнений Гераклита (некоторые из которых опираются на несколько источников сразу), посвященных мировому пожару или предполагающих его (D 29, D 30, D 41, D 52, D 53, D 56, D 129; ср. D 13, D 18, D 31, D 33, D 38, D 39)²⁹, и только одно (причем литературное!) свидетельство, высказывающее сомнение на сей счет (D 34). Из фрагментов по крайней мере четыре (F 30, F 31, F 64–65, F 66) имеют к нему прямое отношение и ни один его не опровергает. Жажущих подробностей отсылаю к работам, упомянутым в примечании. Примерно так же обстоит с Гераклитовой теорией мировой души, с его теорией познания через

duo posteriores. Vol. I [III]. Berlin, Weidmann, 1894. P. 257; *Diels H.* Herakleitos von Ephesos. Berlin, Weidmann, 1901. Ad fr. B 118; *Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker. Berlin: Weidmann, (1903, 1906, 1909, 1912, 1922). Ad fr. B 118; *Diels H., Kranz W.* Op. cit. (1934, 1951). Ad fr. B 118; *Kirk G. S., Raven J. E.* The Presocratic Philosophers. Cambridge UP, 1957. P. 205; *Marcovich M.* Heraclitus. Editio Maior. P. 377; *Marcovich M.* Heraclito. Frammenti. Firenze: Nuova Italia, 1978. P. 264.

²⁸ *Finkelberg A.* On cosmogony and ecpyrosis in Heraclitus // *American Journal of Philology*. 119. 1998. P. 195–222; *Mouraviev S.* Doctrinalia Heraclitea I–II // *Phronesis*. 53. P. 315–358; *Mouraviev S.* Doctrinalia Heraclitea III // *Revue de philosophie ancienne*. 26. P. 40–77.

²⁹ Приведенные номера с буквой D (doxa) отсылают к моему собранию мнений Гераклита. См.: *Mouraviev S.* Heraclitea. Vol. III. 2. Placita. Thèses et doctrines. Sankt-Augustin, 2008.

общение с этой душой через органы чувств и дыхания и со многими другими частями его учения, которые попросту игнорируются³⁰.

Приведу еще более интересный пример искажающего воздействия установки на подозрение и вытекающих из нее ложных представлений на восприятие источников даже у самых глубоких и добросовестных исследователей досократовской философии, каковым я считаю, например, Дениса О'Брайена. Одно из главных свидетельств в пользу существования у Гераклита учения о мировом пожаре — следующий пассаж в аристотелевском трактате «О небе» (А 10, 279b12):

Все утверждают, что небо [= вселенная] возникло, но при этом одни — что оно возникло вечным, другие — уничтожимым... а третьи — что оно попеременно находится то в одном, то в другом состоянии, [периодически] уничтожаясь, и что это продолжается вечно, как утверждают Эмпедокл из Акраганта и Гераклит из Эфеса. (*Перевод А. В. Лебедева [1989b], с. 217–8.*)

Этому свидетельству давно принято противопоставлять следующее место из «Софиста» Платона (242de):

Но некие ионийские и сицилийские Музы впоследствии сообразили, что безопаснее всего сочетать то и другое, т. е. утверждать, что сущее едино и множественно, но сопряжено враждой и дружбой. «Расходящееся всегда сходится», — говорят более строгие Музы [Гераклит], а более податливые [Эмпедокл] смягчили смысл слова «всегда» и говорят, что, мол, дело обстоит не так и что вселенная попеременно то едина и связана дружбой благодаря Афродите, то множественна и сама себе враждебна в силу некой Ненависти. (*Перевод А. В. Лебедева [1989b], с. 199–200, с изменениями.*)

Платон, мол, утверждает, что схождение и расхождение (понимай: превращение многого в единое и единого во многое) у Гераклита происходит всегда, т. е. постоянно, а у Эмпедокла — попеременно. Аристотель же ему противоречит, заявляя, что как Эмпедокл, так и Гераклит заявляли, будто небо, т. е. упорядоченный мир, поочередно то возникает (переходит из единого во многое), то уничтожается (переходит из многого в единое). Такое противоречие между гениальным учителем и не менее гениальным учеником требовало объяснения. Не довольствуясь стандартной ссылкой на ошибку Аристотеля, вызванную Гераклитовым учением о «великом годе» (Властос, Кэрк) или собственным аристотелевским стереотипом о первоначале первых философов (*из чего все возникает, в то самое оно и разрешается*) (Маркович)³¹, О'Брайен задал-

³⁰ Уцелили (пока?) единство противоположностей, критика предшественников, критика народной религиозной практики, этические и политические высказывания...

³¹ *Vlastos G. Review of Kirk G. S. Heraclitus' // American Journal of Philology. 1955. 76. P. 311; Kirk G. S. Heraclitus. Cambridge University Press, (1954, 21962). P. 324, n. 1; Marcovich M. Heraclitus. Mérida, 1967. P. 272.*

ся целью в трех статьях³² найти более убедительное объяснение. Здесь не место пересказывать весьма остроумный и во многом интересный и поучительный результат этой работы. Достаточно будет отметить, что О'Брайен не стал бы за нее браться, не будь он убежден: *а*) в отсутствии у Гераклита какого-либо учения о мировом пожаре; *б*) в реальности указанного противоречия. Сам не будучи специалистом по Гераклиту (но будучи зато специалистом с мировым именем по Эмпедоклу и Платону), он унаследовал оба убеждения от своих учителей-гераклитоведов. Ему и в голову не пришло, что отказавшись от убеждения *а*, он смог бы устранить и противоречие *б*. Действительно, из того, что теория мирового пожара предполагает попеременное воспламенение (уничтожение) упорядоченного мира и его последующее возрождение «из пепла», еще не следует, что превращение единого во многое и превращение многого в единое происходят по очереди (сначала под воздействием Розни, а потом – Гармонии), а не одновременно. Оба превращения, как все мы наблюдаем, происходят одновременно. Попеременно же происходит *возобладание* одного процесса над другим. Единое превращается во многое и *разное* под действием *Розни*. Однако *Розни* с самого начала противостоит *Гармония*, возвращающая все больше и больше *разных* в лоно Единого. Когда *Рознь* ослабевает и *Гармония* начинает брать верх, начинается процесс *объединения* многого, что в конце концов и приводит к воспламенению. Итак, правы оба – и учитель, и ученик! И нет смысла искать причину несуществующего противоречия.

Трудно себе представить, сколько сил, энергии, нервов приходится тратить одним филологам, чтобы разгрести завалы никому не нужных подозрений, опровержений, исправлений, конъектур, нагроможденные другими филологами!

8. И тут встает во весь рост «классический» вопрос: что делать? Встает он, естественно, перед теми филологами, которых такое положение не устраивает. Встает он, и еще острее, перед философами, которым хотелось бы таки добраться хотя бы до заслуживающего доверия текста, не говоря уж о его сути, а не довольствоваться той жвачкой, которую им преподносит филология...

Начну с филологов, к каковым себя причисляю, и с того, как не один уже десяток лет пытаюсь ответить на этот вопрос. Более двадцати лет тому назад (1988) я имел наглость объявить во всеуслышание о необходимости собрать и издать все доставшиеся нам источники о Гераклите³³.

³² O'Brien D. Heraclitus on the unity of opposites // Ionian Philosophy. Athens, Int. Assoc. for Greek Philosophy, 1989 (1990, 1991). P. 298–303.

³³ Mouraviev S. Comment interpréter Héraclite. Vers une méthodologie scientifique des études héraclitéennes // Ionian Philosophy, Athens, Intern. Association for Greek Philosophy, 1989. P. 278.